

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОБЪЯСНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В 1970-ом году В.Леонтьев, цитируя президента эконометрического общества Ф.Х.Хана в выступлении перед Американской экономической ассоциацией, отмечал: «Достижения экономической теории за последние два десятилетия впечатляющи и во многих отношениях великолепы. Однако нельзя отрицать, что есть что-то скандальное в спектакле, в котором множество людей занято усовершенствованием анализа экономических состояний, в отношении которых нет оснований предполагать, что они когда-либо имели или будут иметь место. Это неудовлетворительно и в какой-то степени позорное положение вещей». Мало что изменилось с тех времён. Хорошим учёным считался тот, кто решал крупные проблемы, не совершая попыток усомниться в самой системе, поскольку реализация таких попыток потребовала бы выдвинуть некие альтернативы, что не уберело бы исследователя от нападков и обвинений относительно неудовлетворительности методологии и обоснованности. Иными словами, не ошибается тот, кто ничего не делает. Эту мысль проследивает еще Дж. К. Гэлбрейт в работе «Экономические теории и цели общества». Но поскольку исследователю как будто не престоало ошибаться, то выбирается, как правило, режим функционирования, обеспечивающий относительное спокойствие и получение научных наград. Итогом становится то, что анализу подвержены состояния, которых никто никогда не видел и практическая польза решения абстрактных задач в рамках «экономической теории классической доктрины» становится небольшой.

Финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. снова обнажил проблему адекватности теории и шире – экономической науки. Хотя накануне кризиса известные экономисты, такие как проф. О.Бланшар, проф. Б.Бернанке говорили о «золотом веке», «эпохе умиротворенности» в экономической науке, а ещё в 2003 году Роберт Лукас заявил, что основные проблемы рецессии и депрессии, делового цикла являются решёнными, и наука должна обратиться к решению задач долгосрочного экономического роста. Разумеется, кризис 2007-2009 гг. уже вносит существенное изменение в планы, касающиеся развития экономической науки и общества.

Экономическая наука должна объяснять реальность, предполагать последствия тех или иных действий и решений, предлагать наиболее рациональные варианты развития. Конечно, масштабные кризисы необходимо исключить, чтобы исключить и ущерб, который они доставляют человечеству, даже если для этого понадобится исправить либо изменить базовые институты, к которым все привыкли (издержки такого исправления должны быть не выше издержек самого кризиса). Всю ответственность за кризисы не следует возлагать на экономическую науку, упрекать её в том, что она оказалась

бессильной в предсказании кризиса или навешивать ярлыки какой-то одной экономической школе, которая имела сильные позиции долгие годы в правительственных кругах.

Следует обратиться к институтам, включая и институты организации самой науки, которые позволили преобладать иными точками зрения и иными предложениями и предостережениями. Удивительно, но остаётся фактом, что «великие» критикеры, также обладатели нобелевской премии по экономике, полагая, что они правы, но, ведя себя более скромно до получения данной награды, к сожалению, также остаются в стереотипных представлениях о развитии экономической науки, поскольку замена доминирования одного лагеря другим ничего не способна изменить по существу (речь идёт о критике П.Кругмана). И фискальное стимулирование в рамках кейнсианских программ – это старый рецепт экономической политики. Главный же вопрос, с моей точки зрения, должен состоять в том, почему растущая сложность экономической системы, ввергающая её в кризисы по прошествии некоторого промежутка времени, оставляет неизменной сложность правительственных мероприятий и инструментов, не предполагая более дифференцированные методы воздействия и управления экономикой. Дело не в том, что интегральные эффекты правительственных мероприятий трудно учитывать и оценивать, а действия различных ведомств накладываются друг на друга с не ясным усилением или ослаблением. Проблема состоит в том, что скорость развития экономики приобрела такую величину, что наука не успевает оценивать как саму эту скорость, так и изменение закономерностей с ней связанных. Как известно, Р.Лукас назвал антикризисный план американского президента Б.Обамы «культурной экономикой». Причина в том, что вывод их кризиса будет осуществлён за счёт кейнсианских рецептов, которые сейчас реанимируются после эпохи главенства неоллиберализма и монетаризма, но которые не способны ликвидировать долговую природу современной экономики. Выход из кризиса планируется за счёт дальнейшего возрастания долговой экономики. Таким образом, имеем парадоксальную ситуацию, когда долговая экономика обеспечила эффект «схлопывания ликвидности», а преодоление кризиса сопряжено с дальнейшим развитием долговой экономики за счёт применения методов финансового стимулирования и поддержки совокупного спроса.

Один из главных критиков чикагской школы Пол Кругман утверждает, что одна из главных причин кризиса – это крах финансовой математики, когда за правду была принята красота, обличённая убедительно выглядящими математическими выкладками. На мой взгляд, теория эффективного рынка Юджина Фама, модель САРМ, оценки долгосрочных активов, к сожалению, показали свою слабость, поскольку не учитывали два фундаментальных условия:

1. наличие институтов и институциональных эффектов (траекторно институциональных изменений, эффективность базовых институтов, проблемы регулирования и так называемые «провалы» рынка и государства –

отрицательные внешние эффекты),

2. психологические модели агентов экономики и их изменение (иррациональность, альтруизм, эффект стадного поведения, доверие и недоверие, иррациональное расточительство и т.д.).

К тому же, все современные теории финансового рынка не учитывают структурных проблем развития финансовой и производственно-технической систем экономики. НЕ учитывает этого обстоятельства и П.Кругман, предлагающий лишь реанимацию кейнсианских процедур восстановления экономики, без учёта институтов психологических моделей поведения, структурных пропорций экономической системы.

С одной стороны, и неоклассика, и кейнсианство учитывают психологию агентов при построении своих моделей. В частности, теория адаптивных и рациональных ожиданий базируется на оценке разной психологической реакции агентов на те или иные регулирующие воздействия правительства. В кейнсианстве используется представление о склонности к сбережению, мотивах предпочтения ликвидности – это сугубо психологические объяснения экономических явлений, включая и такое ярко очерченное Дж.М. Кейнсом понятие, как «ликвидная ловушка». Однако, с другой стороны, указанные явления изменяются стечением времени под воздействием интегрального взаимодействия различных факторов и институциональных условий – и как это сказывается на содержании макромоделей, формируемых в рамках одного и другого направления экономической науки не вполне понятно. Поскольку речь сегодня ведётся о том, чтобы включить финансовые рынки в макроэкономические модели, следовательно, именно ряд важнейших психологических реакций и моделей поведения рынков просто не учитываются современными макроэкономическими моделями. Это потребует изменения рамочных условий моделирования и включения инструментариума институциональной теории и экономической психологии в используемые макроэкономические доктрины.

Неоклассическая и кейнсианская теории охватываются следующим набором направлений:

Неоклассическое направление анализа:

1. Цены факторов производства сохраняют долгосрочную гибкость
2. Динамика цен обеспечивает замещение факторов производства, что отражается в производственной функции
3. Экономика имеет тенденцию к полной занятости
4. Присутствует совершенная конкуренция
5. Реальная ставка процента равна предельному продукту капитала, а заработная плата предельному продукту труда
6. Технический прогресс является экзогенным, определяемым накоплением капитала
7. Фактически исключается проблема нестабильности экономического роста, возникающая в кейнсианских моделях.

Кейнсианское направление анализа:

1. Рассматривает проблему неполной занятости и нестабильности экономики.
2. Инвестиции и сбережения играют «двойную» роль: являются частью совокупного спроса и своеобразной добавкой к основному капиталу.
3. Ловушка ликвидности и неэластичность инвестиций по ставке процента определяют динамику развития, роста экономики
4. Инвестиционная функция лежит в основе моделей накопления, в которых инвестиции в основной капитал определяют сбережения (Кембриджская школа: Дж.Робинсон, Н.Калдор, Р.Кан, П.Сраффа, Л.Пазинетти и др.)

Обратим внимание, что структурно-институциональные факторы и неэффективность экономической системы нигде не находят своего отражения в указанных доктринах. Если выделить три типа депрессии экономики: общеэкономическую (спрос-предложение), трансформационную (институциональные, организационные изменения), смешанную, то названные теории предлагают объяснение исключительно для первого типа депрессии, но абсолютно ничего не говорят о втором и тем более третьем типе кризиса. При этом экономическая депрессия может быть вызвана особым типом кризиса – финансовым, которые возникает в соответствии с логикой «пузыря», правила Понци, и не детерминирован совокупным спросом и предложением. Спрос может оставаться высоким, но в результате эффекта исчезновения финансов в силу коллапса финансового рынка (пирамидальная структура), он оказывается неудовлетворённым.

Высокая скорость институциональных изменений и возникновение смешанной депрессии, то есть трансформационной, общеэкономической и спровоцированной схлопыванием финансового рынка, требует нетривиального подхода при разработке макроэкономической политики, учитывающего механизмы и эффекты введения новых институтов и реакции агентов, в том числе на институциональные модификации.

Чрезвычайно важны следующие вопросы: ввод новых институтов в период депрессии, либо трансформация институтов как провокатор депрессии – обеспечат ли будущий рост? А ввод институтов в период роста – не станет ли тормозом этого роста?

Институты определяют модель хозяйственного поведения – новатор, консерватор, имитатор, но степень влияния остаётся не ясной до сих пор. (взаимодействие разнородных групп агентов – структурный анализ). Как раз в этом существенный вклад может внести экономическая психология, основное назначение которой видится мне в том, чтобы помочь в объяснении и анализе реакций агентов на регулирующие воздействия в рамках макроэкономической политики.

Институты влияют на развитие, но современный экономический анализ не даёт ответа на вопрос о временном лаге такого влияния (см рис 1.).

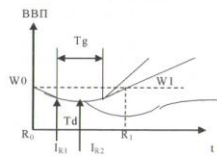

Рис. 1. Временной лаг институциональных изменений

На рисунке 1 показано возможная траектория развития экономики страны при институциональной трансформации. В моменты времени осуществляются институциональные корректировки I_{R1} , I_{R2} , но приведут ли они к повышательной траектории через T_g или наоборот, обеспечат ещё большее углубление трансформационного кризиса, зависит от сочетания, суммарного эффекта данных воздействий.

Институты могут не только структурировать обмены, снижать издержки трансакций, но и увеличивать их, снижать, но и увеличивать издержки спецификации прав собственности. Иными словами, возможны такие явления, как дисфункция институтов, институциональная «чехарда», что провоцирует высокую степень дезорганизации системы и низкий уровень управляемости.

Общественное развитие требует не только повышения степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества, но и сокращения разницы между богатыми и бедными при не возрастающей нагрузке и издержках для экологических систем, при змещении поколений людей, обладающих более широкими умственными и творческими способностями и производительностью.

Иными словами, общественное развитие предполагает разнообразие и доступность социальных функций для различных агентов, то есть высокую эффективность институтов, институциональных изменений и планомерное наращивание качества человеческого капитала. Однако, как это должно происходить? Для иллюстрации содержания проблемы покажем следующие графики (рисунки 2-5).

Должны ли темпы роста дохода богатых и бедных изменяться, как показано на рисунке 2, то есть темп роста дохода бедных растёт быстрее, чем темп роста дохода богатых – какие институты должны обеспечить подобную динамику? Сегодня в мире имеется обратное соотношение, необходимо ли его изменить? Если да, то потребуются изменение базовых институтов общественного развития. Может быть, необходимо сравнять скорости и добиться того, чтобы разница в доходах просто не увеличивалась. Для этого потребуются также институциональные изменения, но явно иного содержания,

нежели в первом случае.

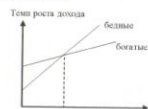

Рис. 2. Темп роста дохода богатых и бедных

На рисунках 3-4 показаны ещё два варианта, условно-динамического изменения ситуации между богатыми и бедными.

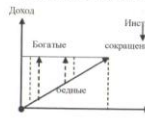

Рис. 3

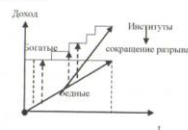

Рис. 4

Возникает центральный вопрос: какими правилами должны быть те институты, которые способны сократить разрыв между богатыми и бедными в ситуации стабилизации богатства богатых (рис. 3) и в условиях, когда наблюдается дальнейший рост богатства богатых (рис. 4). Здесь же уместна будет следующая постановка проблемы, которую почему-то не принято озвучивать в экономических кругах: Запад богат, потому располагает более эффективными институтами и сильными достижениями экономической науки, либо в силу историко-культурных предпосылок и поддержания режима структурно-институциональной зависимости, вытекающего из этих исторических условий?

На рисунке 5 отражена логика современного институционального развития общественной системы, которая определяет и логику общественного развития в целом.

Агенты обнаруживают потребность в правилах поведения, законах и нормах, то есть институтах. Это определяет необходимость в проектировании институтов и институциональных изменениях. Структура побудительных мотивов и ограничительные рамки хозяйственного поведения (существующие институты) определяют как процесс ввода новых институтов, так и качество институциональных изменений. Агенты создают новые технологии, которые обеспечивают прогресс в производстве благ и создании институтов, а также определяют относительные пропорции цен на длительных интервалах, тем

Рис. 5. Логика институционального развития

Принцип институционального прогресса по Т.Хаавельмо звучит так: «В начальной точке – некое состояние общества, система правил и регуляторов, в рамках которых функционируют агенты. Их реакция меняет правила и даёт результаты, которые изменяют политические процессы, следствием чего является изменение правил и регуляторов, что в дальнейшем изменит и реакцию экономических агентов»

Рис. 6. Ортодоксия, институционализм, экономическая психология

Как следует из рисунка 6, ортодоксия добилась весьма приемлемых результатов по трём значимым направлениям экономической науки: теории развития, эффективности, экономической политики (передаточного механизма). Институционализм, в смысле своей эволюционной составляющей, достиг

приличных результатов в области теории развития, чего абсолютно не скажем о теории эффективности и экономической политики. А вот экономическая психология совершенно не даёт пока однозначных результатов по указанным направлениям. Можно сказать, что она предназначена для того, чтобы обеспечивать исследования микроэкономического уровня, то есть объяснять поведение агентов, но, в таком случае, агрегация их реакций вполне допустима в рамках анализа и представима на уровне макроэкономики.

Современный институциональный экономический анализ (в начальной точке) не может основываться только на учёте индивидуальных предпочтений (отталкиваться от индивида), поскольку новые поколения людей являются уже в определённом институциональном окружении, которое формирует менталитет, индивидуальную культуру этих людей, делает человека зависимым от социальных институтов;

Оценка индивидуальной деятельности агентов с позиций институционального анализа предполагает наличие в начальной точке институтов. Это соответствует принципу релятивизма экономической теории, поскольку начальная точка не бесконечно отдалена от современности, а находится где-то вблизи от текущего исторического интервала, на котором можно считать справедливыми наши теоретические построения. Если таким образом разрешается институциональная регрессия экономического анализа, то у нас появляются весьма устойчивые основания для институционального планирования.

Главным источником институциональных изменений являются изменения меры восприятия людей, которые отражаются в изменении относительных ценностей и предпочтений, которые в свою очередь также изменяются под воздействием изменения в относительных ценах (Д.Норт). Так, интенсивность импорта институтов и институциональных изменений в России 1992-2000 гг. и 2000-2008 гг. примерно одинакова, однако экономическая динамика была существенно различна (спад и рост соответственно), а модели поведения агентов постоянно претерпевали непредсказуемые изменения.

Обобщая, необходимо утверждать, что задачей институционального анализа и экономической психологии является получение моделей взаимодействия агентов и институтов, а также агентов между собой в части оценки реакции и хозяйственных attitudes, определяющих тот или иной выбор, детерминированный различными изменяющимися условиями.

Истинными неизвестными задачи поиска социально-экономического оптимума выступают не объёмы потребления или производственные затраты, а множество институтов, которые могут приблизить реальную ситуацию к экономическому оптимуму. Набор этих институтов неизвестен заранее, его необходимо подобрать, а институты создать, то есть спроектировать и ввести в действие.

Доверие, честность, иррациональные мотивы поведения, завышенный оптимизм – всё это влияет на формирование ожиданий и определяет реакции

экономических агентов. Сильное влияние экономической психологии наблюдается в управлении, при подготовке и принятии управленческих решений. Эти предметные области, а именно оппортунизм, риск, принятие решений, формирование реакций, включая и финансовые рынки – составляют суть предмета экономической психологии. Именно названные ракурсы различных проблем сближают ее с институциональным анализом. Тема взаимодействия агентов и институтов, проблемы институционального планирования, проектирования, заимствования, трансплантации институтов и их дисфункции, потери качества требуемого разнообразия и эффективности – лежат также в плоскости задач экономической психологии и институционализма. Движение по указанным направлениям исследования закономерностей общественного развития позволит сформировать эффективные институты и управлять общественной системой на основе императивов справедливости и учета реакций социальных агентов.

Заключение

Перспективы развития институциональной теории и экономической психологии связаны с исследованием таких проблем, как экономическая социализация (освоение детьми и подростками норм и правил экономического поведения, диктуемых новыми условиями жизни), экономическое самоопределение (поиск человеком своего места и своей позиции в системе экономических отношений), этнокультурные и региональные особенности экономического сознания и поведения различных групп российского населения. Развитие экономической психологии порождает острую потребность во взаимодействии психологии и экономики, необходимым для более успешного использования экономико – психологических методов в различных сферах экономической жизни. На теоретическом уровне это взаимодействие связано с определением предмета, объекта и методов экономической психологии для изучения закономерностей экономического поведения. На практическом уровне взаимодействие институциональной теории и экономической психологии связано с активным становлением практической экономической психологии как сферы деятельности, связанной с оказанием помощи при решении проблем, возникающих у экономических субъектов: отдельных индивидов, социальных групп и организаций. В сфере экономики круг таких проблем чрезвычайно широк: от индивидуального консультирования представителей различных социальных групп (менеджеров, предпринимателей, безработных, потребителей, вкладчиков, налогоплательщиков, и т.д.) до выработки государственной экономической политики с учетом практических рекомендаций экономико – психологических исследований.

Литература

1. Экономика и психология. Материалы первой Всероссийской конференции Российского Психологического Общества по экономической психологии / Под ред. О.Г. Посьпанова, В.В. Спасенникова. – Калуга: Калужский филиал МГЭИ, 2000

2. Экономическая психология в структуре жизненных реалий / под ред. М.А. Винокурова, А.Д. Карнышева. Иркутск, ИГЭА, 2001
3. Экономическая психология: Актуальные теоретические прикладные проблемы. Материалы десятой международной научно – практической конференции / Под общ. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск, 2009
4. Экономическая психология в России и Беларуси / Под ред. А.Л. Журавлева и В.А. Поликарпова. Минск, Экономпресс, 2007
5. Экономическая психология: Современные проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно – практической конференции. С-Пб, 2008
6. Экономическая психология инновационного менеджмента / Труды Межрегиональной научно-практической Интернет – конференции / Под ред. А.В. Лагерева – Брянск: БГТУ, 2008
7. Andersen E. Evolutionary Economics: Post – Schumpeterian Contributions. – London: Pinter Publishers, 1996. – 238p.
8. Drucker P. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles. – New York: Harper and Row, 1985. – 277p.
9. McKelvey M. Evolutionary innovations: learning, entrepreneurship and the dynamics of the firm / Journal of Evolutionary Economics. – 1998. – Vol. 8. – N2. – pp.157 – 175.
10. Schumpeter J. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Interest and the Business Cycle. / Tr. By R.Opie. – New York: Oxford University Press – 1969. – 255p.
11. Timbergen J. The duration of development / Journal of Evolutionary Economics. – 1995. – Vol. 5. – N3. – pp. 333 – 339
12. Veblen T. The Theory of Leisure Class: An Economics Study in the Evolution of Institutions. – New York: Penguin Books. – 1979. – 400p.